
У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*К 30-летию археологического изучения
Новгородского Рюрикова Городища
и Новгородской областной археологической экспедиции*

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Материалы международной научной конференции
4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия



С.-ПЕТЕРБУРГ

2007

СУВЕНИРЫ АУСТРВЕГ

Тамара А. Пушкина

Государственный университет. Москва. Россия

SOUVENIRS FROM AUSTRVEGR

Tamara A. Pushkina

State University. Moscow. Russia

ABSTRACT: *A unique gilded pendant has been found at the settlement of Gnezdovo. This object was actually an oriental coin of 711–728 minted in Tabaristan. A number of pentagonal silver platelets were soldered onto the coin resulting in a lotus flower. The pendant is compared here with a wide circle of parallels from Rus, Volga Bulgaria and Hungary. The shape of the platelets which once served as belt mounts, as well as the ornamentation of the latter are typical for the Saltovo-Mayatskaya culture. However, the Scandinavians often made women's pendants from such mounts; similar objects were found in particular at the cemetery of Birka and in Vösterutland. These ornaments are dated to the first half of the 10th century. The appearance of such fairly rare objects in the North hardly may be considered as a result of some trade operations. Quite a series of objects of a similar fate, including cornelian seals and gems, are discussed here. All these finds are assumed to have been peculiar souvenirs brought during the period by the Vikings from their military raids via the lands of the Khazar Khaganate.*

Несмотря на длительную историю полевых исследований, раскопки в Гнездове каждый год приносят новые интересные находки, иногда подталкивающие к попытке увидеть за этими предметами истории людей того времени. Недавно во время раскопок селища в переотложенном культурном слое была найдена подвеска необычной для этого памятника формы.

Украшение состоит из трех маленьких пятиугольных бляшек и восточной монеты. Бляшки, закрепленные на поверхности восточной монеты вплотную друг к другу, образуют фигуру в виде трилистника. Отлитые из серебра бляшки украшены изображением в виде трилистника и процветшего лотоса и несут следы позолоты. Вся композиция превращена в подвеску с помощью ушка, согнутого из узкой серебряной ленты, украшенной 3–4 продольными рельефными валиками. Ушко закреплено при помощи одного из шпеньков верхней бляшки (каждая бляшка имеет на тыльной стороне по три шпенька), пробившего край монеты. Обратную сторону подвески образует аверс серебряной восточной монеты, на котором хорошо видно мужское бородатое лицо, повернутое вправо. Пробившие монету шпеньки и последующая обрезка ее по контуру трилистника испортили

изображение и уничтожили некоторые его детали. Однако монета достаточно уверенно определяется как, чеканенная аббасидским наместником Табаристана в 93–110 г. хиджры (711–728 гг. н.э.) по типу драхм Хосрова II¹. Поверхность бляшек сильно потерта. Сама подвеска, видимо, долго была в употреблении – ушко перетерлось и украшение хозяйкой было потеряно (рис. 1, I).

Новая находка заметно отличается от основной коллекции ремennых бляшек Гнездова (Гнездово, согласно дореформенной орфографии. – *Ред.*), не находя в ней аналогий. Отдельные ремennые бляшки или их наборы неоднократно находились в Гнездове. Коллекция этих предметов насчитывает сейчас более 900 экземпляров и характеризуется разнообразием форм, орнамента и способов их изготовления (*Eniosova, Murasheva, 1999*). Большинство бляшек является украшением пояса или уздечного набора, некоторая часть бляшек связана с отделкой поясных сумок. Авторы специальных исследований отмечают, что определить назначение ремennых бляшек, найденных в трупосожжениях, трудно, так как для пояса и конской уздечки могли использовать одинаковые накладки (*Мальм, 1963. С. 64–69*). В Гнездове ремennые бляшки входят в инвентарь более 60 курганов.

¹ Определение монеты произведено кандидатом исторических наук Н. М. Смирновой (ГМИИ им. А. С. Пушкина), за что приношу ей искреннюю благодарность.

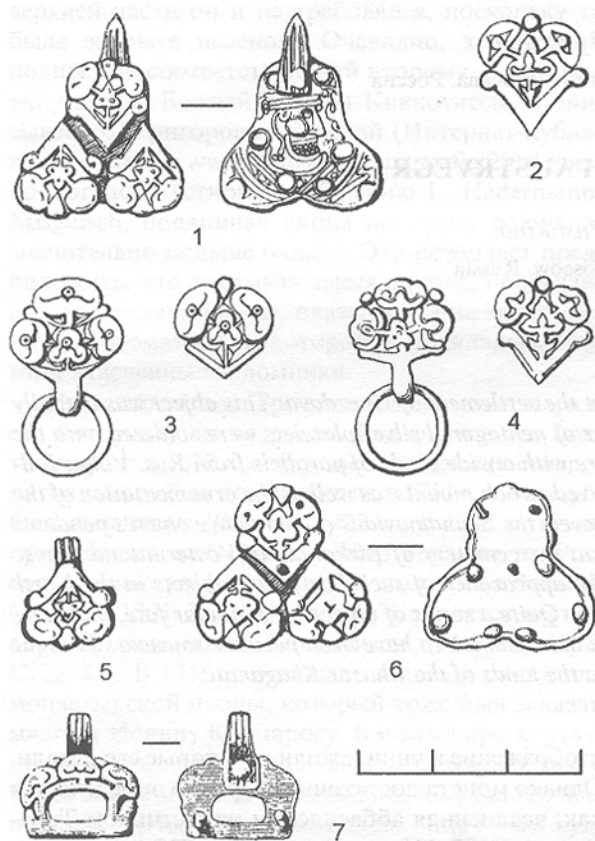


Рис. 1. Ременные бляшки и подвески. 1 – Гнездовское селище; 2, 4 – Лядинский могильник; 3 – Верхне-Салтовский могильник; 5, 7 – могильник Бирки, Швеция; 6 – Вестергётланд, Швеция. Рисунки А. С. Деметьевой

Fig. 1. Belt mounts and pendants: 1 – Gnezdovo; 2, 4 – Lyadinsky necropolis; 3 – Verkhne-Saltovo necropolis; 5, 7 – Birka, Sweden; 6 – Västergötland, Sweden. Drawings by A. S. Dement'eva

Большинство из этих находок является остатками поясных наборов, а в нескольких случаях можно предположить, что они входили в уздечные наборы. Использование ременной бляшки в качестве женского украшения не характерно для Гнездова. Подобные находки отмечены здесь в погребениях только дважды, всего в количестве четырех экземпляров. В обоих случаях они входили в состав ожерелья. К этим находкам можно добавить еще две из разрушенного культурного слоя Центрального городища и две бляшки изклада 1867 г. (Гущин, 1936. Табл. III, 14). Оба названных погребения относятся к середине – второй половине X в.

Клад был датирован последней третью X в. (Гущин, 1936. С. 53)².

Почти 90% гнездовских бляшек относятся к так называемому восточному типу, который хорошо известен по находкам из погребений конца IX – XI вв. на территории Древней Руси, Волжской Болгарии и Венгрии. Значительная часть древнерусских находок, вероятно, была изготовлена мастерами ремесленных центров Волжской Болгарии и Среднего Поднепровья, формирование художественных стилей которых происходило под влиянием исламского искусства и художественного ремесла Хазарии. Из обнаруженных в Гнездове ременных бляшек более 70% изготовлено в традициях черниговской и волжско-болгарской школ X в. (Мурашева, 2000. С. 95). В то же время среди ременной гарнитуры из Гнездова до сих пор трудно было назвать бляшки, имеющие прямые аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры или Хазарского каганата – исключением являются упомянутые выше находки с Центрального городища и изклада 1867 г.

Исследование поясной гарнитуры, характерной для населения салтово-маяцкой культуры показало, что в IX в. на территории Хазарского каганата распространился единый стиль художественного оформления и техники исполнения этих предметов. Собственно салтовские изделия этого времени, как правило, выполненные из серебра и зачастую покрытые позолотой, достаточно выразительны. Считается, что их ассортимент был связан с запросами воинской среды, и они могли производиться в мастерских, которые располагались в ставках военных предводителей (Фонякова, 1986. С. 45). Украшенные изображением лотоса, его бутона, нескольких цветков и побегов, поясные накладки наиболее часто встречаются в салтовских древностях, относимых к IX–началу X вв. и находимых на широкой территории от Дагестана до Левобережной Украины (Комар, 1999. С. 130).

Орнамент и форма бляшек, образующих лицевую сторону нашей необычной подвески, характерен для поясных наборов салтово-маяцкой культуры, особенно для памятников ее лесостепного варианта (Фонякова, 1986. С. 37–39, 44). Аналогичные по форме и орнаментации бляшки найдены в погребениях таких классических памятников IX–начала X вв., как Верхне-Салтовский и Дмитриевский могильники (Покровский, 1905. Табл. XXI,

² Новые находки серебряных сканно-зернистых украшений, а также состав денежно-вещевогоклада, обнаруженного в Гнездове в 1993 г. и датированного 50-ми гг. X в., который близок по набору серебряных украшений кладу 1867 г., (Пушнина, 1996. С. 186), дают основание предположить, что комплекс 1867 г. может быть датирован третьей четвертью X в.

53; Плетнева, 1989. Рис. 36) (рис. 1, 3), а также в Агачкалинском могильнике IX – X вв. в Дагестане (Смирнов, 1951. С. 117). Находки таких же накладок, отдельных и в наборах, происходят с территории Среднего Поволжья, тесно связанного с Хазарским каганатом – они известны в нескольких погребениях IX в. Лядинского и Больше-Тиганского (VIII–первая половина IX вв.) могильников (Ястребов, 1893. Табл. VI, 5; Халикова, 1976. Рис. 11, 8–9) (рис. 1, 2, 4). Таким образом, по всем признакам нашу находку можно датировать довольно широко: IX–первой половиной X вв.

Дальнейшие поиски прямых аналогий гнездовской находке уведут нас далеко на север от лесостепных памятников. Отдельные поясные бляшки «восточного типа» появились на территории юго-западной Финляндии и Средней Швеции в раннем периоде эпохи викингов. К этому времени относятся редкие единичные находки ремешковых накладок, которые здесь были использованы в качестве нагрудных украшений (Arne, 1914. Fig. 232; Kivikoski, 1973. P. 813, 912; Jansson, 1988. P. 610). Бляшки, характерные для лесостепных памятников Восточной Европы и превращенные в женские украшения, найдены в нескольких провинциях Швеции в погребениях IX–X вв. и в кладах X в. (Jansson, 1986. P. 81–84, 89–90). Превратить поясные накладки в подвески оказалось очень просто. В качестве подвески могли использовать бляшки с отлитой вместе с ними петелькой, к которым в поясных наборах алано-болгарских племен Восточной Европы прикреплялись дополнительные узкие ремешки. Именно такие бляшки-подвески известны в нескольких финских и шведских могильниках.

Большинство находок поясных бляшек, использованных не по прямому назначению, происходит из могильника Бирки. Здесь в 21 погребении найдены 55 серебряных позолоченных бляшек, украшавших женские ожерелья. Как правило, в ожерелье оказывается только одна бляшка-подвеска (12 погребений); в пяти погребениях оказалось по две бляшки, и в каждом из четырех оставшихся – 3, 6, 11 и 13 бляшек. Часть подвесок – это характерные для степных наборов поясные накладки, отлитые вместе с петелькой (Arbman, 1943. Taf. 95, 2, 3, 4; 96, 8; 96, 17, 18). В нескольких случаях в нагрудное украшение оказались превращены типичные поясные бляшки с длиной узкой прорезью вдоль нижнего края, к рамке которых дополнительно прикреплены пластинчатые петлюшки (Arbman, 1943. Taf. 96, 2a; 96, 3a).

К одним из наиболее ранних относятся превращенные в подвески бляшки из нескольких женских погребений Бирки, совершенных «около 800 года»

(Jansson, 1978. P. 398). Примерно треть подобных находок из Бирки – это поясные бляшки, украшенные характерным для салтовского прикладного искусства изображением трилистника или лотоса. Время изготовления большинства бляшек, вошедших в состав нагрудных украшений жительниц Бирки, на основании восточноевропейских аналогий может быть определено как первая половина X в., но в целом не позднее 40-х гг. этого столетия. Примечательно, что погребения с бляшками-подвесками не содержат монет младше 925 г. Отдельно прикрепленные петельки, превратившиеся в поясные накладки в нагрудные женские украшения, очень характерны. Они согнуты из узких серебряных полосок с двумя-тремя рельефными продольными валиками и закреплены с помощью специальной миниатюрной заклепки или одного из шпеньков бляшки, расположенного на обратной ее стороне (Arbman, 1943. Taf. 95, 2; 96, 1, 2; 96, 3a, 7, 12) (рис. 1, 5, 7).

Подвески с ушками из серебряной узкой рубчатой пластины довольно характерны для Скандинавии и известны по материалам многих погребений и кладов – это щитообразные и крестовидные подвески, кресаловидные амулеты, монеты, превращенные в украшения. В знаменитом кладе из Ворбю, датированном серединой X в. (после 937 г.), с помощью таких же рубчатых полосок в подвески было превращено и несколько восточных поясных бляшек сердцевидной и удлинненной формы (From Viking..., 1992. Fig. 6).

В свое время Т. Арне предположил, что поясные накладки так называемого восточного типа, и, в первую очередь, украшенные стилизованным изображением лотоса, имели хазарское происхождение, и проникли на территорию Скандинавии по Волжскому пути (Arne, 1914. P. 93, 96). По мнению И. Янссона, основная масса восточных поясных накладок, датированных X в., может происходить из стран Халифата, Хазарии, Волжской Болгарии или южных и юго-восточных районов Руси, для населения которых поясные наборы являлись обычной частью воинского снаряжения. Обратим внимание на происхождение и время наибольшего распространения поясной гарнитуры, происходящей из раскопок таких известных могильников, как Киевский, Гнездовский и Тимеревский. По наблюдениям В. В. Мурашевой, для этих некрополей, особенно для Тимеревского, характерно присутствие накладок, выполненных в традициях волжско-болгарских ремесленных центров второй половины X в. Мода же на наборные пояса в среде древнерусских дружинников распространяется, судя по всему, не ранее середины X в. (Мурашева,

2000. С. 84, 93. Табл. на стр. 95). Примечательно, что среди бляшек, составляющих эти пояса, нет экземпляров, украшенных в традициях скандинавского прикладного искусства.

Вслед за Т. Арне И. Янссон отмечает, что благодаря тесным связям между Русью и Скандинавией в течение среднего периода эпохи викингов (то есть в конце IX–второй половине X вв.) скандинавы усвоили восточную моду в одежде, включающую характерный поясной набор (Jansson, 1987. Р. 799). Что понимается в данном случае под «тесными связями», и каким образом скандинавы получали возможность непосредственно познакомиться с элементами восточной культуры?

Как известно, скандинавы появились на Севере Руси в середине VIII в., а в IX в. их присутствие в Поволховье достаточно хорошо подтверждается материалами Старой Ладоги и Рюрикова городища и отдельными выразительными находками этого времени в районе Верхней Волги. Для X в. отмечается более широкое распространение скандинавских древностей, свидетельствующих о пребывании скандинавских дружинников, ремесленников и других категорий пришедшего с Севера населения на территории Древней Руси: многочисленные находки происходят с территории Верхнего и Среднего Поднепровья, районов Чудского озера, Приладожья, Волго-Окского междуречья (Pushkina, 1997. Р. 83–91). Совершенно очевидно, что скандинавы входили во все социальные группы древнерусского общества (Stalsberg, 1988. Р. 466–467; Jansson, 1997. Р. 9–63). Больше всего возможностей познакомиться с восточным миром было у дружинников, значительную часть которых составляли выходцы из Скандинавии, известные арабским авторам под именем русов.

Судя по сообщениям арабских авторов IX–X вв., русы участвовали в военных кампаниях на стороне Хазарского каганата в период от второй половины IX по середину X вв. (Минорский, 1963. С. 150). Известно о нескольких так называемых каспийских походах русов. Первый из них, по сообщению табаристанского историка Ибн Исфандейра, которое подвергается сомнению (Новосельцев, 1990. С. 243), состоялся между 864 и 884 гг., когда русы прошли вдоль побережья Южного Прикаспия. В начале X в. русы предпринимали еще один или два похода – по этому поводу существуют некоторые разногласия среди исследователей.

Учитывая события, происходившие на Восточном Кавказе между 909 и 912 гг. (борьба хазар с мусульманскими государствами Закавказья), А. П. Новосельцев предположил, что был только один

поход русов, состоявшийся между 909 и 914 гг., который он был склонен связывать с выполнением Русью условий договора (или договоров), подписанного Олегом с Византией. Империя, как известно, имела враждебные отношения с арабскими правителями, расширявшими свое влияние на Кавказе. Эта тенденция беспокоила и Хазарию (Новосельцев, 1990. С. 213). Эту мысль поддерживала И. Г. Коновалова, предполагавшая, что в 909 или 910 гг. русы были направлены из Киева для выполнения одного из пунктов договора с Византией или, что звучит достаточно интересно, это была личная инициатива норманнов, которым нечем было заняться после византийского похода (Коновалова, 1999. С. 115). Русам надо было как-то добратся из Поднепровья на Каспийское побережье, и путь их лежал через территорию салтовско-маяцкой культуры и земли Хазарского каганата.

Как сообщал ал-Масуди, «...когда суда русов дошли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снеслись с хазарским царем [просьба разрешения] пройти через его землю, спуститься вниз по его реке, войти в реку и таким образом достичь Хазарского моря... с условием, что они отдадут ему половину добычи, захваченной у народов, живущих у этого моря. Он разрешил им совершить это, и они вошли в пролив... [дошли до города Атиль] и пройдя мимо достигли устья, где река впадает в Хазарское море. Суда русов разбредлись по морю и свершили нападение на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, стоящий на берегу Джурджана, на нефтяную область (Апшерон) и на земли, лежащие по направлению к Азербайджану. ...Они рассылали отряды, которые грабили и жгли... Когда русы набрали добычи и им наскучили их приключения, они двинулись к устью Хазарской реки и снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними» (Минорский, 1963. С. 199–200). Можно только догадываться, что еще кроме арабского монетного серебра составило военную добычу возвращавшихся из похода русов.

Далее события развивались довольно драматично. Мусульмане Итиля и мусульмане, состоявшие в войске хазарского правителя, возмущенные действиями русов, разоривших поселения их единомышленников в Прикаспии, с молчаливого согласия кагана, (который вроде бы даже пытался предупредить русов), собрали войско и «спустились вниз по реке, ища встречи с ними (русами). Когда они оказались лицом к лицу, русы оставили свои суда... Битва длилась 3 дня. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спаслись из них около 5000, которые на своих судах пошли к той стороне,

что ведет к стране Бургас (то есть к правому, западному берегу Волги. — Т. П.). Они бросили свои суда и двинулись по суше. Некоторые из них были убиты бургасами, другие попали к булгарам-мусульманам, которые также поубивали их. Всего убито было около 30 000» (*Минорский*, 1963. С. 200). Надо думать, что количество погибших русов сильно преувеличено арабским автором. Во всяком случае, какая-то часть уцелевших в этой битве русов, видимо, двинулась по домам. Куда? А. П. Новосельцев обратил внимание на следующие моменты в этой истории: во-первых, после разгрома под Итилем русы двигались по суше; во-вторых, они столкнулись с болгарями. Исследователь предположил, что оставшиеся в живых русы могли разделиться на два отряда: один двинулся на север вверх по Волге, чтобы пройти во «Внешнюю Русь», а другой — через хазарские владения на запад, в сторону Кисва (*Новосельцев*, 1990. С. 244). Не думаю, что при этом русы обходили стороной поселения салтово-маяцкой культуры.

Определить характер происхождения предметов, необычных или чуждых для данной местной культуры, особенно, если они единичны, довольно трудно. Обычно их считают импортом и рассматривают как доказательство осуществления дальних торговых связей. Но такое объяснение приемлемо, на мой взгляд, по отношению к изделиям, представленным заметным количеством находок. Исключительная редкость описанных здесь находок позволяет предполагать какие-то исключительные причины, объясняющие их появление вдали от мест изготовления и правильного использования — они могли оказаться дарами, сувенирами или трофеями³. Рискуно обратить внимание на своеобразную географию распространения некоторых редких для лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии конца IX—X вв. археологических находок, в том числе и бляшек хазарского происхождения.

Среди материалов древнерусских некрополей X—начала XI вв. практически нет поясных наборов, украшенных характерными серебряными салтовскими или хазарскими бляшками VIII—первой половины X в., но отмечены отдельные случаи превращения их в подвеску к ожерелью. Так, в киевском погребении № 124, совершенном не ранее середины X в., находилась серебряная бляшка удлиненной формы, снабженная ушком для подве-

шивания (*Каргер*, 1958. С. 210. Табл. XXVIII). В погребении № 459 Тимиревского могильника, которое датировано авторами раскопок концом X—началом XI вв., в составе ожерелья обнаружена трансформированная в подвеску полукруглая серебряная бляшка (*Фехнер, Недошвина*, 1987. С. 81. Рис. 7). Погребение первой половины X в. кургана № 1 Михайловского могильника содержало две круглых восточных бляшки, одна из которых превращена в украшение (*Мурашева*, 1999. С. 31. Рис. 11, 1). Видимо, это были отдельные, случайные пошавшие в эти места, предметы. Кстати, в Михайловском погребении был найден и богато украшенный бляшками со скандинавским орнаментом узденный набор (*Мурашева*, 1999. С. 26–29). Во всех этих случаях бляшки были превращены в украшения с помощью прикрепления стандартного ушка из рубчатой пластинки, что обычно для скандинавской ремесленной традиции и в предшествующий период, но не характерно для местной культуры.

Находки некоторых предметов, вырезанных из полудрагоценных камней, для территории Европы вообще являются уникальными. Так при раскопках Гнездовского селища была найдена сердоликовая прикладная печать — «ложный перстень», относящаяся к широко распространенным в VI—VII вв. в Закавказье и Южном Прикаспии геммам (*Велинякова*, 1995. С. 68. Рис. 1) (рис. 2, 1). Подобная гемма того же времени найдена в одном из погребений периода викингов в Уппланде (Средняя Швеция), где она была использована в качестве бусины в составе ожерелья (sic! — Т. П.) (*Jansson*, 1988. P. 587. Abb. 11) (рис. 2, 2). Так же с территории Средней Швеции происходят три сердоликовых амулета в виде жука-скарабея, ближайшая аналогия которым известна среди материалов хазарского Агачкалинского могильника IX—X вв. (рис. 2, 3, 4). Два из них найдены на поселениях Бирки, один — в погребении могильника Чепинг (*Jansson*, 1988. P. 588. Abb. 12). Интересно, что аналогичный амулет, исполненный более небрежно, был обнаружен в Старой Ладоге, но, к сожалению, вне археологического контекста (*Давидан*, 1988. С. 110–111. Рис. 1, 1).

Достаточно выразительными в этой связи, на мой взгляд, являются еще несколько находок. К ним относится бронзовая курильница с арабской надписью, лампа и несколько фрагментов бронзового светильника, вероятно, изготовлен-

³ О неразвитости торговли в IX—X вв., ограниченности и нерегулярности торговых связей Древней Руси в это время писал более 20 лет назад В. П. Даркевич, отметив, что отдельные вещи могут попасть на данную территорию в качестве даров и даже трофеев (*Даркевич*, 1974).

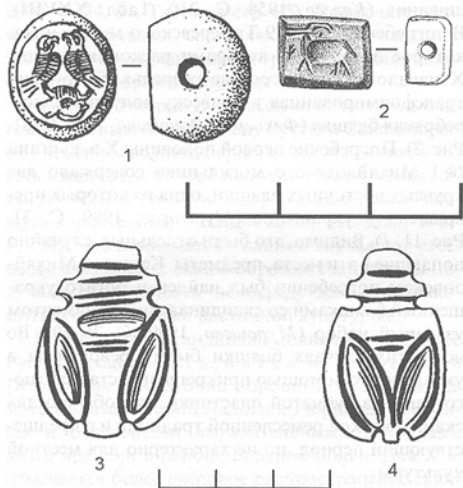


Рис. 2. Геммы и амулеты: 1 – Гнездовское селище; 2 – Уппланда, Швеция; 3 – поселение Бирка; 4 – Вестманланд, Швеция (Вешнякова, 1995; Давидан, 1988)

Fig. 2. Gems and amulets: 1 – Gnezdovo settlement-site; 2 – Uppland, Sweden; 3 – the settlement of Birka; 4 – Västmanland, Sweden

ные в Ираке в IX в. и найденные в Западной Швеции (Jansson, 1988, P. 621–622, Abb. 31 A). Небольшая индийская бронзовая статуэтка VI в., изображающая Будду, происходит из Хельго (Jansson, 1988, P. 629, Abb. 34).

В одном из гнездовских курганов, раскопанном в 1874 г., был найден бронзовый светильник в виде женской головки. Форма и детали оформления этой оригинальной лампы указывают на ее вероятное персидское или хорасанское происхождение (Даркевич, 1976. С. 52; Сизов, 1902. С. 60–61. Табл. VIII, 4).

Г. С. Лебедев отметил четыре волны поступления восточного серебра на территорию Скандинавии в течение периода викингов, связав с ними появление восточных монет в инвентаре могильника Бирки. Эта динамика выпадения восточного серебра в общих чертах согласуется с наблюдениями нумизматов, но только объясняется ими по-иному. Три волны поступления арабских монет в Бирку из четырех Лебедев объяснял удачным возвращением викингов из восточных походов, в том числе и в Южный Прикаспий (Лебедев, 1985. С. 252–255). Понимая всю спорность такого заключения, думаю, что оно не является абсолютно

неверным. Вероятно, наиболее удачливые из участников военных походов вели с собой не только арабское монетное серебро.

Среди описанной выше небольшой группы украшений, входивших в состав ожерелий в Бирке, для нас особенно интересна одна находка – бляшка-подвеска из погребения № 184, относящаяся к раннему периоду Бирки, который датируется в пределах IX–начала X вв. (Arbman, 1943. Taf. 96, 9) (рис. 1, 5). Эта серебряная позолоченная бляшка удивительно похожа на каждую из трех, образующих лицевую сторону гнездовской находки, и превращена в подвеску с помощью такого же ушка. Подвеска из Бирки некоторым образом связывает гнездовскую подвеску с находкой из Вестергленда, опубликованной Т. Арне (Arne, 1914. P. 120. Fig. 114). Последняя состоит из трех точно таких же серебряных позолоченных маленьких бляшек пятиугольной формы, образующих аналогичную трилистную композицию. Ее отличают от гнездовской находки только две небольшие детали: закрепление бляшек не на монете, а на гладкой (?) пластине, тоже серебряной, и отсутствие ушка (рис. 1, 6).

Более 1000 лет назад оригинальная подвеска, найденная нами в Гнездове, сыграла роль своеобразного памятного медаллона. Несомненно, что три серебряные поясные бляшки превратились в изысканное украшение в Гнездове, и сделал это человек, который не представлял себе подвеску иначе, как только с рубчатым ушком. Некто очень остроумно и деликатно скрыл изображение боролатого мужчины, украшавшее аверс монеты – он расположил выразительный портрет на обратной стороне подвески, невидимой для посторонних глаз. Зато все могли заметить и любоваться ее оригинально декорированной лицевой стороной и изображением экзотических бутонов лотоса. Как уже говорилось, подвеску носили долго, в конце концов ушко перетерлось и дорогой подарок был потерян.

Другие четыре аналогичных бляшки, пока еще как фрагменты или детали наборного пояса, путешествовали далеко на север от этих мест. Одна из них превратилась в подвеску и в конечном итоге украсила последнее ожерелье одной из жительниц Бирки (погребение № 184). Три оставшиеся серебряные бляшки оказались в Вестергленде. Какой-то умелец попытался превратить их в украшение, похожее на гнездовское, однако попытка почему-то оказалась незавершенной.

Удивительны внешнее сходство этих находок и близость контекста. Судя по стилю и манере исполнения, эти бляшки вышли из хазарских мас-

терских или мастерской не позже начала X в. Вид этих бляшек несколько необычен не только для Скандинавии, но и для Руси. Русь и степи Восточной Европы лежат далеко на Восток от Скандинавии, и никому не дано было знать, где и как

закончится его путешествие – все три украшения оказались (как и сердоликовые амулеты, сасанидские геммы или бронзовые лампы) своеобразными сувенирами участников военных походов, благополучно вернувшихся домой.